

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

А.С. Янушкевич

**НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО
В.А. ЖУКОВСКОГО К Н.И. ГРЕЧУ:
«СЮЖЕТ ДЛЯ БАЛЛАДЫ ИЛИ РОМАНА»¹**

Трудно найти среди мемуаристов, писавших о Жуковском, хоть одного, кто бы не был ему обязан моральной и материальной поддержкой, заступничеством перед сильными мира сего в драматических обстоятельствах жизни, ободрением в начале литературного поприща. Вероятно, ни один из русских писателей ни до, ни после Жуковского не отзывался на такое количество просьб о помощи, протекции, об устройстве на службу, о назначении пенсионера, об облегчении участи и т.д. Одно перечисление имен тех, кому помог поэт, заняло бы не менее страницы. Его благодеяния перечислить просто невозможно: с того момента, как он получил доступ ко двору в качестве официального лица, вся его жизнь была полна ежедневными хлопотами по осуществлению разного рода прошений.

Конечно же, не только официальное положение Жуковского при дворе было причиной все возрастающего количества просьб о помощи: он действительно больше других имел возможность сделать что-то реальное. Но наличие возможностей не есть еще гарантия их использования во благо других. Главная причина репутации Жуковского как всеобщего заступника, «ангела-хранителя русской культуры» – свойство его натуры, доброта и обостренное чувство справедливости, которые и были основной гарантией внимания к просителю и действия во исполнение просьбы. Один неизвестный эпизод из этой поистине эпопеи филантропической деятельности Жуковского и будет объектом данной публикации.

В собрании рукописей поэта находится его неопубликованное письмо к Н.И. Гречу. Вот его текст:

Вы думаете, любезный Николай Иванович, что дело кончено – нет, не кончено. Посылаю вам статью, подписанную Барникелем; посылаю и их обоим расписку в том, что они уже ссориться не будут. Но для меня дело не кончено и вас прошу его доделать так, как мне этого хочется. В то время, когда я писал *мировую*, Ляхов прочитал мою записку, ту, которую я предлагал прежде той, которую подписал Барникель. Я ее читал

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00141).

ему при вас; но он выбрал старую, в которой все сказано *вообще*, и не так подробно как в моей. Прочитав ее, он сказал: *эта была бы лучше!* *Здесь все ясно* – для чего же вы не выбрали сами! – ведь вам было читано! – Бедняк замолчал, но так вздохнул, что двери задрожали. Потом они, подписав свое условие, вместе с Барникедем ушли. Признаюсь, этот вздох остался у меня на душе и вечно останется, если не поправлю дела вовремя. Он же не дал мне и заснуть. И я написал новую статью. Я слил три статьи в одну: ту, которую написал Барникель, ту, которую написал П.М., и мою собственную. В ней все ясно и, право, Барникель не потеряет, а может быть еще и выиграет, если ее подпишет. Он представлен в ней только виновником от несчастия; но в заключении статьи он представлен и добрым за то – что для него важнейшее – он отдает *все принадлежащее справедливости*, ибо ясно и без двусмыслия снимает с Ляхова все, что *не должно* на нем оставаться. Если он виноват, то уже и потерял довольно. Сверх же ясное объяснение, *почему* Барникель рассказал не то, что есть в самом деле, необходимо и для тех, которые за него ходатайствовали.

Итак, вот о чем прошу вас, любезный Николай Иванович, и сочту за великое мне одолжение, если вы сделаете то, чего мне хочется. Здесь точно действую по собственному желанию; никто не просил меня; это нужно единственно для того, чтобы я был совершенно спокоен насчет этого дела. Вот о чем прошу: призовите Барникеля, переведите эту статью ему, пускай даст он ее под ваш словесный перевод переписать по-немецки; потом заставьте его ее переписать! Когда же придет к вам Ляхов, то дайте ему на выбор которую из двух статей он напечатать желает. Потом уже прошу вас, если он (как я думаю) выберет новую статью, показать ее Павлу Максимовичу. Надеюсь, что он прекословить не станет; он уже соглашался вставить то, что я написал; я же вставил написанное им с небольшими поправками. Здесь же никто кроме меня не действует: и я прошу его согласиться из дружбы ко мне. Право, мне нужно быть насчет этого дела в полном ладу с самим собою, ибо это одно и может быть нужно на свете. Пускай Ляхов и согласился – да внутреннее мое чувство не соглашается. А с ним спорить нечего. Итак, прошу вас быть в этом случае моим посредником.

Вам преданный
Жуковский.

Вчерашний день я был без обеда и боролся с расстроеным геморроем. Довольно прав на уступку с вашей стороны¹.

Письмо не датировано и, вероятно, проблема датировки вызвала бы трудности, так как никаких свидетельств об упоминаемых в письме лицах найти не удалось в известных материалах творческого наследия как Жуковского, так и Греча, а также в доступных картотеках. Но, как удалось установить, в том же собрании рукописей Жу-

¹ РГАЛИ. Ф. 156. Оп. 1. № 15. Л. 2–2 об.

ковского находится дело губернского секретаря Людвиг фон Барникеля о сумасшествии его жены и бумаги Жуковского по этому делу с приложением конверта с надписью рукою Жуковского: «Подвиг Барникеля и Ляхова: сюжет для баллады и романа». В архивном описании этой единицы хранения указано: «Письма и замечания, написанные в редакцию журнала, под названием «Оправдание обвиненного. Возражение на статью, напечатанную в “Сыне Отечества” под заглавием “Известие о несчастном семействе”»¹.

Это указание проясняет ситуацию, воссозданную в письме Жуковского к Гречу, и одновременно позволяет датировать письмо.

Итак, в журнале «Сын Отечества» (далее: СО) за 1820 г. (Ч. 60, № 11. Разд. IV. Благотворения. С. 225–229) была опубликована следующая статья:

Известие о несчастном семействе

Чиновник Г. Фон Б. по одному случаю – где коварное корыстолюбие, прикрытое личиною приятности, торжествовало над доверчивым добродушным – сделался должен 1300 рублей. Вскоре после сего лишился он своего места, жалование коего составляло все его имущество, и остался с женою, которая была беременна, и тремя дочерьми, из коих старшей был четвертый год, в совершенной нищете. Вексель передается другому, и новый заимодавец требует от Г. фон Б. уплаты; заплатить нечем, и не взирая на моления и вопли семейства – заимодавец заключает его в тюрьму. – Несколько времени томился невинный страдалец в ужаснейшем для благородного человека заключении, пока некоторые благодетельные люди, узнав о бедствии, собрали для искупления его 800 рублей. – Должно бы думать, что заимодавец удовольствуется уплатою большей части долга и совершенно освободит от него мужа, отца трех детей и беднейшего человека; но случилось напротив: все просьбы остались тщетны, и Г. фон Б., жаждущий соединиться с семейством, принужден был дать другой вексель в 500 р. – Освободясь из тюрьмы, полетел он в ту бедную комнату, где оставалось все ему драгоценное. Находит ее уже занятою другими. С ужасным предчувствием, трепещущий, спрашивает он у хозяина дома: «Где дети?» – «Двое умерли; а третья опасно больная, лежит там-то». – «Где жена?» – «В доме сумасшедших...»

Г-жа фон Б. (природная русская дворянка), на 20 году жизни не могла перенести бедствия и посрамления любимого ею супруга; не могла перенести смерти двух детей, в глазах ее исчахнувших от голода и стужи, впала в горячку и потом лишилась ума...

С смертью двух детей в сердце, уже растерзанном бедствием и посрамлением, повлекся он к страстно им любимой, ныне сумасшедшей

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 48

жене. – Самое изобретательное воображение не представит положения ужаснейшего, ад не имеет мучения лютейшего? – Боже мой! Для чего сия истина?.. Несчастливая никого не узнавала и ничего не говорила; но вид и голос супруга – голос любви, привет минувшего блаженства – возвратил ей на мгновение рассудок; она, сказав только: «Друг мой! Возьми меня к себе!», опять впала в беспамятство. – Мог ли он не взять ее, мог ли не взять, хотя бы должен разделить с нею только смерть голода? Он взял ее, взял и умирающую дочь, и нашлись добрые люди, которые могли дать ему по крайней мере временное пристанище. – Теперь дочь его выздоровела; но жена, еще не разрешившаяся от бремени, находится в тихом безумии, лежа недвижимо и по временам, хотя не на долгу, приходит в память: тогда ласкает дочь и благоловляет своих благодетелей! Так, в минуту опамьятования, спросила она: «Откуда это белье, которое на мне?» Когда ей отвечали, что добрая барыня ей его прислала, то она взглянула на небо, перекрестилась... О! эта благодарная молитва достигнет до престола Воздаятеля! – Если улучшится положение мужа ее, так пламенно ею любимого, то она верно выздоровеет; ибо и теперь чувствует только для него: за несколько пред сим дней заимодавец пришел к нему требовать уплаты по новому векселю 500 рублей; у самой постели страдальцы требовал, угрожал и наконец на все моления Г. фон Б. сказал, *что непременно на самую Святую неделю опять посадит в тюрьму, если он до того времени ему не заплатит*; на лице ее во все продолжение разговора изображалось внимание, но при слове *тюрьма* она стала сильно дрожать и впала в беспамятство...

Г-н фон Б. был студентом в одном из российских университетов, знает иностранные языки, имеет самые лучшие аттестаты от разных мест, в которых он служил, и кто доставит ему место, тот возвратит отечеству истинно полезного служителя. Всякое вспоможение будет для него величайшее благодеяние, ибо будет содействовать к возвращению ему редкой супруги и матери и к отвращению от него нового ужасного бедствия, ему угрожающего. – Наступит время родов, к трем страдальцам присоединится четвертый, и у них не будет ни надежного крова, ни верного куска хлеба! Наступит день общего спасения, общего торжества – святой день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа: все мы, искупленные его страданием и смертью, будем ликовать в кругу милых родных и друзей, уповающие на вечное блаженство, осчастливленные избытками земными, а сей страдалец будет исторгнут из семейства, ввержен в темницу, где может быть и отрада упования не подкрепит его, столь ужасно несчастного, и он, потерянный для отечества, добыча отчаяния, умрет в страданиях; умрет от тоски жена-страдальца; умерщвлено будет дитя в чреве ее...

Бог, Спаситель наш, говорит нам: «Якоже возлюбил мя Отец и аз возлюбил вас: будете в любви моей. Аще заповеди моя: соблюдайте, пребудете в любви моей: якоже аз заповеди Отца моего соблюдох и пребываю в Его любви. Сия глаголах вам, да радость моя в вас будет и радость ваша исполнится. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга якоже возлюбил вы. – Больше сия любви никто же имать да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи мои есте, аще творите елика аз заповедаю вам» – *Еванг. от Иоанн. XV. ст. 9, 10, 11, 12, 13 и 14.*

Бог, Спаситель наш, повелевает нам положить *для спасения друзей души свою*, и какие сладостнейшие обетования произносит нам за сие! А теперь, *уделением малой части избытков ваших*, любезные соотечественники, можете вы спасти четырех друзей ваших и стяжать за сие от *Небесного Друга радость совершенную!*..

N.N. *Россиянин*

Марта 7. 1820.

Несчастное семейство сие жительство имеет в Малой Коломне, подле фабрики *Офицерских вещей*, в доме Г. Поля у каретного мастера Шульца, № 31, 4 *Адмир<алтейской> части*, I квартала.

В следующем номере журнала находится сообщение редактора «Сына Отечества» Н.И. Греча о *благodeяниях*, поступивших «в продолжение следующей недели» в пользу семейства фон Б. В заключение этой публикации Греч пишет:

В числе сумм, пожертвованных в пользу сего семейства, доставлен сбор, сделанный *Господами офицерами Штаба гвардейского корпуса*. Когда они, до глубины души тронутые известием о несчастьях сего семейства, собирали подписку, пятнадцатилетний писарь кантонист Зверев со слезами на глазах подошел к дежурному штаб-офицеру. – «Что ты, Зверев?» – спросил у него полковник. – «Ваше Высокоблагородие! – отвечал он. – Позвольте мне взять в счет жалованья два рубля». – «На что тебе?» – «Положить туда же, куда и вы кладете!» Полковник исполнил его просьбу и чрез него же отправил ко мне все собранные деньги при записке, в которой кратко уведомил о сем случае. Я, признаюсь, не знал, как обласкать этого мальчика, как достойно наградить его, но он сам вывел меня из недоумения. «Ваше Высокоблагородие! Сделайте милость, подарите мне книжку Святого Евангелия, такую, какие подарены от Государя солдатам, которые учились у нас в *гвардейской школе*». С неописанным удовольствием вручил я ему экземпляр Евангелия, негодую в сердце на самого себя, что позволил ему надумать меня о награде, которой достоин был благородный его подвиг.

Н. Греч

Марта 19. 1820¹.

На с. 272–274 приводится список *благодетелей*, среди которых упоминается издатель книги «О греческой антологии», пожертвовавший 40 экз. для продажи «в пользу бедного семейства» по цене 5 р.

¹ СО. 1820. Ч. 60, № 12. С. 272–275.

Речь идет об отд. издании (СПб., 1820. Цензурное разрешение от 7 ноября 1819 г.), подготовленном К.Н. Батюшковым и С.С. Уваровым. Издание осуществил Д.В. Дашков; ему же принадлежит предисловие «От издателя»¹.

Разумеется эта история, рассказанная с таким пафосом, не могла не вызвать отклика читающей публики. Так, К.Я. Булгаков в письме к брату А.Я. Булгакову от 16 марта 1820 г. сообщал: «Прочти № 11 «Сына Отечества» стр. 225. Волосы дыбом встанут, и это правда. Мы тотчас послали разведеть, и вышло, что нет прикраски и этот Ф.Б., то есть Людвиг фон Барникель, точно в самом ужасном положении. Вчера мне это прочитали у Жулковского. Придя домой, я тотчас начал собирать деньги; нужно было 500 руб. В четыре часа было у меня 600 руб., кои сегодня и посланы к несчастному, от неизвестных, через Жулковского. Если можно и в Москве что-нибудь собрать, так хорошо бы было. Можешь адресовать деньги к Гречу или прислать ко мне, если соберешь что-нибудь; тут всякое даяние благо. Радуюсь, что этот несчастный не будет более посажен в тюрьму. Каков же его заимодавец? Экий изверг!»²

Прежде чем перейти к комментарию этих событий, дадим краткое описание материалов рукописи, содержащей «дело губернского секретаря Людвиг фон Барникеля и Тимофея Ляхова»:

Л. 1, 1 об., 2, 2 об. – текст «Оправдание обвиненного» – рукою Жуковского, с собственноручною подписью Тимофея Ляхова, позднее зачеркнутой. Черновой автограф.

Л. 3, 4 – первоначальные наброски этого же текста рукою Жуковского.

Л. 5 – текст записки Барникеля с раскаянием, оборванный на полуслове – рукою Жуковского (его продолжение см. на л. 14).

Л. 6. Записка Жуковского, обращенная к неизвестному лицу (возможно, к Гречу):

Прошу вас покорнейше еще раз возвратить мне ту записку о деле Барникеля, которую я вам вверил. Так как это дело пойдет сво-

¹ См.: *Арзамас*: сб.: в 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 475.

² *Братья Булгаковы*: Переписка. М.: Захаров, 2010. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. С. 657.

им чередом, то я желал быть совершенно в стороне и не могу согласиться, чтобы та бумага употреблена была против Ляхова, которую он, доверяясь мне, у меня оставил. Это делается не из осторожности, а точно для того, что не хочу дать ему право делать мне упрек.

Л. 7–8. Продолжение текста на л. 3–4.

Л. 9. План «Оправдания...» – рукою Жуковского.

Л. 9 об. Небольшая записка рукою Жуковского, начинающаяся словами: «Два разные несчастья...»

Л. 10. PS. К раскаянию Барникеля – рукою Жуковского.

Л. 11–11 об. Черновые наброски к «Оправданию» – рукою Жуковского.

Л. 12. Дополнения к раскаянию Барникеля – рукою Жуковского.

Л. 13. Материалы к «Оправданию...»: выделено «справедливое» и «несправедливое» в обвинении СО – рукою Жуковского.

Л. 14. См. л. 5.

Л. 15. Начальный вариант раскаяния Барникеля – рукою Жуковского.

Л. 16. Окончательный вариант раскаяния Барникеля от 31 марта 1820 г. – рукою Жуковского с собственноручной подписью Барникеля. Вдоль левого поля подпись: *Цензор Тимковский.*

Л. 17. Расписка Т. Ляхова и Л. фон Барникеля о перемирии – рукою Жуковского с собственноручными подписями Ляхова и Барникеля.

Л. 18. Конверт с надписью рукою Жуковского «Подвиги Барникеля и Ляхова. Сюжет для баллады или для романа».

Л. 19, 19 об., 20 – письмо к Жуковскому Павла де <Редера> от апреля (середина) 1820 года.

Л. 20 об. – к письму приложен конверт с надписью:

*Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Василию Андреевичу
Жуковскому*

Л. 21–24 об. Материалы дела Барникеля – рукою неизвестного лица.

Л. 25, 25 об., 26 – текст раскаяния Барникеля.

Л. 27–30. Какие-то черновые записки фигурантов дела – рукою неизвестных.

Л. 31, 31 об., 32, 32 об. – Письмо Павла де Редера к Жуковскому:

Весьма удивлен я, почтенный В.А., прочитав ваше письмо и найдя в PS новые, для злодея Ляхова *прелестные и небесные* вещи, а для Барникеля, со всем семейством убитого плутом Ляховым, такие *грязные*, что ему после напечатания их надобно будет поскорее подать в отставку, пока не выгнали, взять на руки дочь, оставить ту землю, где могут читать и понимать «Сын Отечества» и ехать напрямую в страну свободы и счастья – в Америку!

Во всем вашем PS одна фраза прекрасна, и она заплатила мне за неудовольствие читать *преудивительное PS – быть добрым есть для меня быть благодарным* – превосходно! Но и эта фраза, *достойная быть даже особо напечатанною и всем вверенною* – здесь – не у места! – извольте вспомнить, что вы два раза соглашались на письма, где Ляхов был даже обруган; а теперь, в последнем письме, которое, более нежели все слова мои, доказывало мое к вам уважение и преданность, которое я почитаю *Nec plus ultra* в этом деле, в этом письме нашли вы причину к написанию P.S., где во всем вините Бар<никеля>, где негодай Ляхов только что *не святой, невинно замученный!* – Предлагаю вам или прочитать обвинение Ляхову и, как он сам вчера хотел, получить его согласие на напечатание (в котором впрочем при личном объяснении *немного* могу прибавить) или извольте писать, что вам *угодно*; а я буду возражать, что могу, или пусть Ляхов переносит дело в суд. – Только для меня это странно, что [нрзб.] чем ближе к *развязке*, тем *вдруг* далее от конца. – Угодно ли вам, чтобы мы еще лично поговорили об этом деле? Извольте вспомнить, что вы вчера соглашались на напечатание сего обвинения, что я, *только для вас*, выдумал и прибавил еще слова совершенно [нрзб.]

Преданный вам Павел де Р.

Л. 33. Записка с напоминанием о том, что «он ждет его <завтра> к себе (до конца не прочитана) и сведения об ундер-егермейстере Костромитине Андрее Ивановиче, служащем при Адмиралтейском ведомстве, при экипажных магазинах.

Л. 34–35 об. Черновой набросок письма Барникеля с благодарностью Благодетелям и с разъяснением ситуации с заимодавцем.

Л. 36–37. Справка о служебном положении Ляхова с указанием имен директора Михаила Алексеевича Обрескова, окружного начальника Николая Петровича Лобри и др.

Л. 37–37 об. Список известных персон с указанием их адресов: д.с.с. С.Н. Титов, министр, граф Д.А. Гурьев, князь Д.Н. Салтыков, князь А.Н. Голицын, граф И.А. Каподистрия, Е.В. Н.К. Загряжская, Александр Иванович Тургенев, лейб-медик О.Я. Либашец, доктор К.К. Шмит.

Не имея возможности воспроизвести все архивные материалы, составляющие около 50 рукописных листов, воспроизведем лишь те, в сочинении которых принимал непосредственное участие Жуковский.

1. Возражение на статью в СО, написанное Жуковским

Оправдание обвиненного.

Возражение на статью, напечатанную в «Сыне Отечества» под заглавием «Известие о несчастном семействе»

Милостивый государь.

В 11 номере «Сына Отечества» поместили вы «Известие о несчастном семействе». Перо сочинителя этой статьи, назвавшегося *Россиянином*, красноречиво изобразило ужасное несчастье господина Ф.Б. и жестокое корыстолюбие бесчеловечного его заимодавца. Сие изображение возбудило живейшее сострадание к первому и общее негодование против последнего. Вы, как издатель журнала, употребили в пользу благородное свое право быть посредником между обществом и несчастными, ему не известными; но в то же время вы неумышленно были причиною, что обвинение ложное зачернило человека невинного. Справедливость требует, чтобы вы сами исправили невольную свою ошибку и напечатали мое письмо в вашем журнале.

Не обвиняю сочинителя доставленной вам статьи; по слогу его заключаю, что он писал от сердца, в жару сострадания. Но, милостивый государь, в таком случае, когда, помогая одному, необходимо надобно сделать несчастным другого, недовольно одной жаркой сострадательности, нужна и холодная осторожность. Что бы на месте господина *Россиянина* сделал человек, столь же добросердечный, как и он, но более хладнокровный и осторожный? Услышав о несчастье, постигшем господина Ф.Б. и решившись уведомить об нем общество, он прежде всего (дабы иметь полное право на доверенность сего общества) осведомил бы о свойствах и обстоятельствах господина Ф.Б. и не от самого господина Ф.Б. (если он от него слышал обо всем том, что так красноречиво описано), но от посторонних, могущих быть достоверными свидетелями в этом деле.

Прежде всего, господину *Россиянину* (предположив, что он познакомился с господином Ф.Б. на его *новой квартире*, думаю, что *новый* хозяин не мог ему сказать ничего верного о своем *недавнем* постояльце) надлежало бы пойти на его прежнюю квартиру, на ту именно, с которой (по печатному описанию) он взят был в тюрьму и на которой (по тому же печатному описанию) он оставил беременную жену и трех дочерей. От прежнего хозяина господина Ф.Б. узнал бы он совершенно противное всему тому, что описано в его красноречивом описании. Он узнал бы, что с 1818 года августа 22 до 18 февраля 1820, то есть во все то время, которое господин Ф.Б. прожил на этой квартире, он *не был ни разу посажен в тюрьму*; что из трех его дочерей две позже умерли, но в *разное время*: одна очень скоро по переезде его на эту квартиру, на

которую и привезена была больная при смерти, другая же (родившаяся уже на этой квартире в 1819 году 20 марта) в том же году июля 22¹⁰; он узнал бы, что госпожа Ф.Б. точно занемогла, а потом потеряла рассудок; но не от жестокости заимодавца, который заключил ее мужа в тюрьму (по печатному описанию), но совсем от других, более обыкновенных причин; потом узнал бы он, что господин фон Б. сам *отвез жену свою в больницу* и что, следовательно, не мог он, по выходе из той тюрьмы, в которую его не сажали, ни *повлечься с ужасным предчувствием* (по печатному описанию) на свою квартиру, ни *спрашивать с трепетом* (по печатному же описанию), где жена и где дети? ни получить того ужасного ответа, которым в том же печатном описании сразило его сердце, ни побегать в дом сумасшедших, дабы сыграть в нем трогательную сцену. Наконец и сам господин Россиянин не воскликнул бы так горестно: «Боже мой! Для чего сие истина?», ибо сие не истина! Он просто узнал бы, что жена господина фон Б. точно заслуживает снисхождения добрых людей, потому что, будучи доведена до сумасшествия горестью и нуждою, она беременна и не имеет хлеба; сострадательные люди помогли бы несчастной, а человек невинный не был бы лишен своего доброго имени.

Но этого недовольно. Господин *Россиянин* (желая быть благотворительным, вполне, следовательно, опасаясь тою же рукою, которая спасает одного, погубить другого) должен был непременно отыскать и изверга-займодавца, дабы удовлетворить справедливости и после обвинителя *выслушать и обвиненного*. Согласитесь, что он был обязан это сделать, ибо готовился перед лицом всего общества *обесславить* этого обвиненного. Займодавец, не говоря ни слова, показал бы ему *вексель* господина фон Б. – тот самый, который (по печатному описанию) господин Ф.Б., *жаждущий соединиться с семейством* (с своею, *ныне беременною* женою и с тремя дочерьми, из коих *двух давно нет на свете*), дал в тюрьме суммою в 500 рублей. В этом векселе господин *Россиянин* прочитал бы следующее: 1818¹⁰ года июня 28 я, нижеподписавшийся, и пр. И он догадался бы, что с 1818¹⁰-года июня 28 по 1820, марта 7 (то число, которое он выставил под своим описанием) госпожа фон Б. не могла остаться беременною и что между сим векселем и нынешним ее несчастным положением нет ничего общего. Этого одного было бы уже довольно, чтобы вывести господина *Россиянина* из очарования и даже заставить его подумать, что анекдот, в котором займодавец у самой постели страдальницы обещает опять посадить господина ф. Б. в тюрьму на всю святую неделю, *по крайней мере* весьма сомнителен. Сверх того узнал бы он от изверга займодавца много других подробностей: например, как господин фон Б. в 1810 году занял у него, изверга, 1300 рублей, на 6 месяцев, под залог; как он не платил их полтора года; как был позван займодавцем к суду; как был посажен в тюрьму, но не по требованию займодавца, а по другому, связанному с залогом делу, как он лишился своего места; как спустя несколько лет (1818 года марта 9) был опять и уже по требованию займодавца посажен в тюрьму, из которой выпущен в том же году, заплатив 800 рублей и давши вексель в 530 рублей (тот самый, о котором говорил я выше, о котором говорит и печатное описание); как он с этого времени (то есть с 1818 июня 28, срок данного им векселя и по 1820 марта 7, достопамятный день его появле-

ния в печати) не заботился нимало об уплате; и весьма редко встречался с заимодавцем. В подтверждение слов своих изверг заимодавец представил бы господину *Россиянину* самое дело, а в свидетели свое то судилище, которое по этому делу преследовало господина фон Б. Следствием этого было бы опять то, что господин *Россиянин* не сделался бы игрушкой господина фон Б. и будучи сам обманут не ввел бы в заблуждение читателей «Сына Отечества», но и тронутый жалостным положением госпожи фон Б. помог бы ей тем же средством, то есть через объявление в «Сыне Отечества», не касаясь до чести невинного.

Повторяю в немногих словах: «Господин фон Б., по свидетельству прежнего своего хозяина, *не был ни разу в тюрьме* с 1818 года августа месяца по 1820 февраля 18; дети его умерли *в разное время*, обыкновенною человеческою смертью, а *не от гонения заимодавца*, который, получив в 1818 году вексель от Г. фон Б., с тех пор ни разу не принуждал его к уплате и даже весьма редко с ним видался. — Одним словом, доброе сердце господина *Россиянина* было обмануто *Романом*.

Но вот что *ре роман*: я, которого представили обществу таким безжалостным корыстолюбцем, я также отец семейства; мое состояние весьма ограниченное; небольшое жалованье, которое получаю по службе, и несколько других мелких доходов составляют все мои способы пропитания с детьми моими, и до сих пор не было никакого пятна на моей чести. Теперь же, благодаря несправедливому обвинению господина фон Б., имя мое замарано, мои товарищи по службе смотрят на меня с презрением и ненавистью (и признаюсь, что такое негодование весьма естественно), мои начальники, хотя и отдают мне справедливость по службе, но веря напечатанному, справедливо негодуют на мое бесчеловечие и готовы лишить меня места. Что же будет, если эта угроза исполнится. И без того уже [нрзб.] лишусь и последнего своего имущества, которое до сих пор казалось неприкосновенным, доброго имени. Спрашиваю господина *Россиянина*, что присоветует он мне делать с такою *полною нищетою* и какого пособия могу ожидать от того общества, из которого выгнало меня ложное обвинение, столь неосторожно им повторенное.

Но я переносу свое дело в верховное судилище правдивого общества: оно беспристрастно; оно внимательно рассмотрит те доказательства, которые представляю ему в свое оправдание, и не замедлит меня оправдать. С доверенностью ожидаю его приговора.

Но, защищая самого себя, почитаю обязанностью отличить госпожу фон Б. от ее мужа. Он уже и потому недостоин благоворения общества, что своею клеветою заставил благородного и доброго человека сделаться обвинителем невинного и выдумкою обольстить благотворительность. Напротив, госпожа фон Б. точно заслуживает сострадания по своему несчастному положению. Сумасшедшая, беременная она не имеет дневного пропитания — довольно прав на всеобщее сострадание. Разительнейшие обстоятельства описанного несчастья вымышлены, но несчастная существует; и сердца благодетельные, поспешив усладить ее участь, в этом случае не обманулись; они насладились благотворением и должны быть награждены собственным своим чувством, а их благотворения бесценны для сей несчастной, подлинно достойной сожаления, ее малолетней дочери, ее не рожденному младенцу.

Милостивый государь, я уверен, что вы не откажетесь напечатать мое письмо в вашем журнале. В подтверждение всего сказанного мною прилагаю некоторые бумаги.

1 №. Список *векселя*, данного мне господином фон Б. Этот вексель переписан человеком, весьма вам известным, который и свидетелем в верности списка подписался.

2 №. Свидетельство хозяина той квартиры, на которой жил господин фон Б. Это свидетельство подтвердит вам все то, что сказано мною в свое оправдание, и найдете еще много других подробностей на счет господина фон Б, о которых упоминать считаю за бесполезное. Оно написано рукою того же, кто переписывал вексель; он написал слышанное им самим от Г.К., у которого жил господин фон Б. до переселения своего на последнюю квартиру¹.

3 №. Выписка из дела, по которому господин фон Б. заключен был в первый раз в тюрьму. Она послужит к тому, чтобы дополнить ваше понятие о господине фон Б. и заставит вас еще более усомниться в истине его рассказа.

4 №. Моя подробная записка о моих сношениях с господином фон Б. за моим подписанием.

Представляю вам эти бумаги единственно для того, чтобы дать вам полное право напечатать мое оправдание в вашем журнале. Вам не нужно делать их известными. Прочитав их, вы сами будете совершенно убеждены в истине моих слов. Прошу вас только сказать от своего имени читателям вашего журнала, что сих доказательств достаточно дабы признать меня *совершенно невинным во всем том, что сказано на счет мой неизвестным Россиянином.*

Честь имею быть с совершенным почтением

Милостивый Государь
вашим
покорнейшим слугою
[Тимофей Ляхов.

Служащий при С.-Петербургской портовой таможене коллежским секретарем, проживающий ныне на голландской бирже в казенном доме, называемом Демидов².

* Тут же приложено и свидетельство нынешних хозяев господина Б. насчет того, что говорил ему займодавец при последнем своем посещении, описанном в «Сыне Отечества». В.А. Жуковский, который сам их расспрашивал, записал то, что от них слышал. Из этого свидетельства увидите вы, что они повторяли только слова господина Б., а не то, что слышали сами.

² РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 48. Л. 1–2 об. В квадратные скобки заключены слова, написанные, видимо, рукою Т. Ляхова и затем зачеркнутые. Весь остальной текст, с многочисленными поправками и зачеркиваниями, написан Жуковским.

**Записка Людвиг Барникеля, написанная рукою Жуковского
и подписанная Барникелем**

К крайнему прискорбию моему дошло до моего сведения, что моего заимодавца обвиняют в несчастии, постигшем мое семейство, – *в сумасшествии жены моей и в смерти двух моих дочерей*. Это есть недоразумение, и я обязанностью поставляю оправдать честь моего заимодавца: *он не был причиною тех несчастий*. Я же, будучи благотворительностью добрых людей извлечен из ужаснейшей бедности, почитаю долгом, с живейшим чувством благодарить их за спасение моей жены, объявить свою благодарность и моему заимодавцу за то, что он, ссудив меня деньгами, в некоторых случаях оказывал мне и снисхождение. Здесь же почитаю необходимым прибавить, что человек, к которому относятся выражения (С.О. № 11): *по одному случаю, где коварное корыстолюбие, прикрытое личиною приязни, торжествовало над доверчивым добродушием*, уже умер, и что мой заимодавец, помогавший мне собственными деньгами в нужде моей, не должен быть с ним смешан.

Губернский секретарь *Людвиг Барникель*^{*1}

1820 г. Марта 31.

Черновой вариант постскриптума Л. фон Барникеля

К сему долгом считаю присовокупить, что я к сожалению моему узнал от некоторых из благодетелей моих, что вина моего несчастья пала на моего заимодавца, что его жестокость почитают причиною сумасшествия жены моей и смерти двух моих дочерей. Перечитав известие, помещенное в «Сыне Отечества», с горестью должен признаться, что в нем слово в слово помещено то, что я сам рассказал Ее Прев. Г., к которой был представлен. Находясь в положении неописано горестном, я беспорядочным и неясным своим рассказом, введши в заблуждение г-жу Г. и господина Слуцкого, соединил два обстоятельства, совершенно отдельные: свое прежнее заключение в тюрьму и теперешнее сумасшествие жены моей. Я точно был в тюрьме за 1300 р., без помощи добрых людей мог бы просидеть в ней долго, они заплатили за меня 800, и я, давши моему заимодавцу вексель в 500 рублей, был из своего заключения выпущен. – Но я, находясь теперь с женою, не хочу его обвинять в том, что он тогда не пощадил меня, так как есть он и сам человек весьма недостаточный. Два месяца после моего освобождения умерла первая дочь моя, а через год другая; жена же моя занемогла гораздо позже. Ее жалостное сумасшествие, потеря двух дочерей, крайняя бедность, приближающийся срок моего векселя, по которому мой заимодавец мог требовать уплаты, и весьма естественный страх, что я совершенно погибну, если он не сжалится надо мною, все это смутило меня, и я мог в рассказе моем перемешать обстоятельства. Но я теперь счастлив. Буду недостоин оказанных мне благотворений, если не исправлю сде-

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 48. Л. 16. Текст рукою Жуковского; подпись, видимо, собственноручная.

ланной мною ошибки и если не оправдаю заимодавца моего в том, в чем его обвинять не следует. Я ввел в заблуждение г-жу Г. и господина Слуцкого; смерть моих двух дочерей и сумасшествие жены моей, случившиеся гораздо после моего освобождения из тюрьмы, и от причин естественных, не должны быть несколько приписаны моему заимодавцу. В этих несчастьях он совершенно невинен; и я жестоко укоряю себя в том, что <подал> своим рассказом повод навлечь на него такое ужасное подозрение; что же касается до слов: коварное и пр., то сами читатели «Сына Отечества» видели, что они относятся к другому. Этот другой, истинная причина всех моих несчастий, уже умер. Давно я простил ему и молю Всевышнего да не взыщет и он с него. Заимодавец мой имел право требовать своих денег; они были мне им даны, но и я и он были коварно и ужасно обмануты.

Теперь спасенный с моим семейством от нищеты и гибели, надеющийся быть почетным членом дражайшего отечества, счастливый посреди моего семейства, уже не угрожаемого будущим...¹

Расписка Тимофея Ляхова и Людвиг фон Барникеля о примирении

Мы, нижеподписавшиеся, обязываемся, что мы, по бывшему между нами делу, то есть по статье, напечатанной в «Сыне Отечества» 1820го года № 11 под заглавием «Известие о несчастном семействе» друг против друга никакого иска иметь не будем; мы остаемся довольны тою статьею, которая в возражение первой напечатана в «Сыне Отечества» того 1820 в № <пропуск>, почему и обещаемся друг на друга ни на письме, ни на словах не злословить.

*Тимофей Ляхов
Людвиг фон Барникель *2*

Все материалы, находящиеся в архиве Жуковского и собранные в одной единице хранения под общим заглавием, воссоздают почти детективную историю, участником которой неожиданно оказался 37-летний известный русский поэт, занимавший должность учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны. К сожалению, именно события жизни Жуковского первой половины 1820 г. почти не отражены в известных документальных источниках: не сохранились дневниковые записи, письма, мемуарные свидетельства этого времени. Известно, что с начала февраля до конца мая 1820 г. Жуковский постоянно жил в Петербурге. Местом его проживания был Аничков дворец. Март – апрель 1820 г. – время активного общения Жуковского с А.С. Пушкиным. Но никаких сведений о деле

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 48. Л. 5, 14.

² Там же. Л. 17 Текст расписки написан Жуковским; подписи собственноручные.

Барникеля и Ляхова не содержится и в «Летописи жизни А.С. Пушкина». Есть основания предполагать, что Жуковский помогал Ляхову по просьбе А.И. Тургенева, который с 20 марта по 16 апреля находился в Москве. Именно он упоминается в списке лиц, приложенном к справке о служебной деятельности Ляхова (л. 37 об.).

Но так или иначе Жуковский решительно встал на защиту честного имени заимодавца, ложно обвиненного в корысти и злодеяниях. Уже в тексте «Оправдания обвиненного...», имевшем несколько черновых вариантов, он от имени своего подзащитного пытается восстановить истину. Воссоздавая хронику жизни Людвиг фон Барникеля, он опровергает сведения, изложенные Россиянином в СО, и доказывает непричастность Тимофея Ляхова к этим событиям. И в дальнейшем в диалоге с Павлом де Редером (к сожалению, сохранились лишь письма последнего), адвокатом Барникеля, он шаг за шагом восстанавливает истину. Поэт лично посещает квартиру, где жило семейство Барникеля, получает письменные свидетельства о его недостойном поведении, в результате чего появляется компромиссный текст письма в СО и примирение противников. И хотя, вероятно, П.М. де Редер остался недоволен этими действиями адвоката Ляхова, но письмо Жуковского к Гречу позволяет утверждать, что договоренность могла быть достигнута. Свидетельством этого предположения стала публикация в СО письма Л. фон Барникеля, включающего, кроме «изъявления благодарности» курсивом выделенное «необходимое объяснение», совпадающее с текстом Жуковского и полностью реабилитирующее Тимофея Ивановича Ляхова. Вот его текст:

Изъявление благодарности

Спешу исполнить первейший, священнейший долг мой, спешу принести вам, мои благодетели, пламенную благодарность за спасение великодушною вашею помощью семейства моего и меня от гибели. Чем лучше могу изъявить вам сию благодарность, как известив вас, что жена моя начинает выздоравливать; опаматование бывает яснее, чаще и продолжительнее, и я питаю себя радостною надеждою, что сия редкая жена и мать скоро получит неизъяснимое блаженство вполне чувствовать благодеяния, на нее и на нас излинные, и вместе с нами воссылать за благодетелей и избавителей наших жарчайшие молитвы к престолу небесного Воздаятеля.

Необходимое объяснение. К крайнему прискорбию моему дошло до моего сведения, что моего заимодавца обвиняют в несчастии, постигшем мое семейство, именно в том, будто он был причиною *смерти моих двух дочерей и сумасшествия жены моей* – по известию, об нас напеча-

танному в № 11 «Сына Отечества». Обязанностью поставляю оправдать честь моего заимодавца. Из сего известия – где слово в слово так описана история несчастий моих, как я ее рассказывал Ее Превосходительству Г*, которая узнала о бедственном и беспомощном положении нашем от благодетеля моего П.Н. Слуцкого и которая, оказавши нам помощь упростила родственника своего, подписавшегося N.N. Россиянином, известит чрез С. О. добрых, о нас несчастных для собрания 500 рублей на уплату моего долга – нисколько не должно явствовать, чтобы заимодавец мой был причиною сих несчастий. Если же для кого-нибудь и явствует, то сие произошло от смутности моего рассказа. Будучи в крайне расстроенных обстоятельствах, видя перед собою сумасшедшую жену, видя уже протекший срок векселя, по которому заплатить было нечем, находясь под временным кровом, данным нам милосердием, без верного куска хлеба с малолетнею дочерью, терзаемый воспоминанием прошедшего, я мог рассказать обстоятельства не так ясно, чтобы невинность моего заимодавца во всем том, в чем обвиняют его, была так очевидна, как теперь считаю за долг представить ее для всех и каждого. Я спешу отдать справедливости ей принадлежащее: заимодавец мой нисколько не был и нисколько не мог быть причиною сумасшествия жены моей и смерти двух моих дочерей: они произошли от причин естественных. Также должно знать, что человек, к которому относятся выражения (С.О. № 11): *по одному случаю, где коварное корыстолюбие, прикрытое личиною приязни, торжествовало над доверчивым добродушием*, что сей человек, казавшийся моим другом, единственная причина моих страданий, и которым и я и мой заимодавец, поверивший нам свои деньги, жестоко были обмануты, уже умер. Я простил его и молю Господа да не взыщет от него и Он!

Теперь я был бы совершенно счастлив, когда бы счастья моего не отравляла мысль, что я смутным рассказом навлек незаслуженное нарекание на моего заимодавца. Он сам имеет трех малолетних сирот, и потому его нельзя обвинять в том, что не отказался от денег, принадлежащих ему и его семейству.

Спасенный от убийственной нищеты, не преследуемый мыслью, что когда-нибудь я, жена и дети мои погибнем от голода и печали, ободренный, успокоенный, нося в душе своей неизъяснимо сладостное чувство благодарности к тому обществу, которое своими благотворениями дало мне новую жизнь, я смотрю на будущее с веселою, возвышающею сердце мое надеждою. Не один насущный хлеб даровала мне святая благотворительность: она даровала мне силу и способность сделаться полезным гражданином. И я чувствую в себе живое желание исполнить сию священную обязанность. Быть добрым есть для меня быть благодарным.

Губернский секретарь Л. фон Б.

Апреля 16. 1820 г.

*В следующей книжке С.О. будет напечатан отчет об употреблении сумм, присланных для Г. фон Б.*¹

¹ СО. 1820. Ч. 61, № 17. Раздел «Смесь». С. 227–230.

Отчет не появился, а Жуковский выполнил свою миссию и выступил, как это будет нередко впоследствии, ходатаем за невинно оскорбленного и униженного человека. Никаких сведений о дальнейшей судьбе героев этой истории, о их взаимоотношениях с Жуковским обнаружить не удалось. Заметим лишь, что на страницах СО Жуковский в 1820–1822 гг. напечатает несколько своих программных произведений, в том числе «Кольцо души-девицы...», «Минувших дней очарование...», «Государыне Императрице Марии Федоровне», «Отымает наши радости», «К кн. А.Ю. Оболенской» и др., что свидетельствует о сохранении приятельских отношений поэта с редактором журнала Н.И. Гречем.

На основании этих материалов можно со всей определенностью говорить о том, что письмо Жуковского Гречу было создано в промежутке между первой журнальной публикацией в СО от 7 марта 1820 г. и письмом Л. фон Барникеля в СО от 16 апреля 1820 г. Упоминаемые в письме факты: написание текста статьи для публикации, расписка о примирении – свидетельствуют о том, что письмо было скорее всего написано незадолго до второй публикации, то есть в начале апреля 1820 г. Имена бедного чиновника Г. фон Б. и жестокого заимодавца можно восстановить из текста письма, а также из многочисленных материалов, находящихся в архиве Жуковского. Это губернский секретарь Людвиг фон Барникель и коллежский секретарь, служащий при Санкт-Петербургской портовой таможне, заимодавец Тимофей Иванович Ляхов. Упоминаемый в письме Павел Максимович, участвующий в этом деле, как явствует из документов, имеет фамилию де Редер.

Казалось, в истории, о которой шла речь, можно было бы поставить точку, но в другом рукописном собрании Жуковского уже после завершения работы над публикацией было обнаружено следующее письмо, неизвестное в печати.

Неизвестному (Александру Васильевичу)
15 мая 1820 г. Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич!

Пользуясь Вашим благосклонным ко мне расположением и честь имею представить Вам самого Тимофея Ивановича Ляхова, о коем я просил Вас и которому Вам угодно было обещать свое покровительство. Я бы непременно сам лично приехал повторить Вам свою просьбу, когда

бы хлопоты отъезда не отняли у меня времени; по возвращении из Павловска буду иметь честь явиться к Вам с своею благодарностию, которую изъявляю здесь заранее, прося Вас верить тому почтению и той совершенной преданности, с коими честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою Василий *Жуковский*.

P. S. Я не счел за нужное повторять в письме моем то, о чем я уже имел честь Вам говорить. Ляхов налицо, и он сам объяснит Вам все то, что до него касается.

Мая 15, 1820¹.

Письмо было написано почти через месяц после публикации «Изъявления благодарности» в СО. Оно свидетельствует о том, что у Тимофея Ляхова возникли какие-то осложнения, вероятно, связанные с его служебной деятельностью. Что касается, неизвестного лица, к которому обратился Жуковский за помощью, то, вероятнее всего, это был Александр Васильевич Кочубей (1788–1866), обер-прокурор 3-го департамента Сената в 1818–1831 гг. Так как в документах по делу говорится об обращении в «верховное судилище» и к Губернатору, то подобное предположение кажется правдоподобным, хотя никаких сведений о продвижении этой просьбы обнаружить не удалось...

¹ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 167. Л. 1.